

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

ИЗЪ КРАЛЕДВОРСКОЙ РУКОПИСИ,

КАСАТЕЛЬНО РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВЪРОВАНІЙ И ОБРЯ-
ДОВЪ.

Кому изъ любителей Славянской старины не известна рукопись Краледворская, отысканная въ башнѣ Краледворской В. Ганкой и заключающая въ себѣ 14 древнихъ пѣснопѣній Чешскихъ на 12 пергамино-выхъ листочкахъ, исписанныхъ стариннымъ почеркомъ, конца XII или начала XIII вѣка, какъ полагалъ Добровскій, а за нимъ и всѣ ученые Славяно-филы? Эта рукопись есть общая драгоценность всѣхъ Славянъ, драгоценность неоцѣнимая, какъ памятникъ старины о старинѣ, если даже и не брать во вниманіе красоту поэтическихъ, которыми столь богато ея содержаніе. Какъ памятникъ старины о старинѣ, она драгоценна для насъ и въ отношеніи къ языку и, можетъ быть, еще болѣе въ отношеніи этнографическомъ. Какъ драгоценность, она должна быть изучаема съ ревностію всѣми, для кого не чуждо имя Славянъ и ихъ былое, и слѣдовательно не только Чехами, или Западными Славянами, но и нами Русскими; и трудъ cadaго, лишь бы онъ былъ

доброевѣстенъ, можетъ быть хотя сколько-нибудь полезенъ. Одинъ сдѣлаетъ болѣе, другой менѣе, одинъ съ большимъ, другой съ меньшимъ искусствомъ, одинъ при богатыхъ, другой при бѣдныхъ средствахъ; но дѣлателей чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше: лучше уже потому, что при ихъ множествѣ виднѣе будутъ недостатки и достоинства каждаго, и самое разсматриваніе должно быть разностороннѣе, слѣдовательно и выводы можно ожидать болѣе. Я такъ думалъ, изучая Краледворскую рукопись, и рѣшился записывать замѣчанія, родившіяся въ умѣ моемъ при ея многократномъ чтеніи и сравненіи съ другими подобными, въ надеждѣ, что хотя что-нибудь изъ моихъ замѣтокъ будетъ кому-нибудь полезно. Потомъ я сталъ приводить ихъ въ порядокъ, и осмѣливаюсь мало по малу издавать ихъ. Одинъ изъ отрывковъ сихъ замѣтокъ представляю на судъ любителей: въ немъ найдутъ они *извлеченія* изъ К. Р. касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ; *сравненія* войдутъ въ содержаніе другаго отрывка.

Въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, рукопись Краледворская очень замѣчательна, особенно при вышѣшнихъ изслѣдованіяхъ о древней Религіи Славянъ, изслѣдованіяхъ бѣдныхъ и фактами и выводами. Я намѣренъ выписать изъ стихотвореній, заключающихся въ этой рукописи, всѣ мѣста, имѣющія какое-либо отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и потомъ по возможности сообразить ихъ и извлечь изъ нихъ отвѣты на вопросы, возбуждаемые этимъ предметомъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЫПИСКИ.

NB. Считаю нужнымъ приводить каждое выписываемое мѣсто подлинникомъ, по чтенію *Ганки* (*Rukopis Kralodworský. Praha 1835, in-18, стр. 1—51.* Переводъ можно читать въ изданіи *А. С. Шишкова. С. П. Б. 1820, in-8*). Что касается рукописи перевода, то, стараясь передавать подлинникъ сколько возможно вѣрнѣе и буквально, я придерживаюсь мнѣнія *Ганки* (I. с. стр. 51 — 109), *II. Шаффарика* и *I. Юнмана* (*Slownik česko-nemecký. Praha 1836 — 38*).

Пересмотримъ каждое стихотвореніе Краледворской рукописи отдѣльно.

I.

Предметъ перваго пѣснопѣнія — побѣда Кн. Ольдриха и Чеховъ надъ Поляками и освобожденіе Праги. Тутъ

а) Выгонъ Дубъ, убѣждая К. Ольдриха вооружиться противъ Поляковъ, говоритъ ему:

17. Boh ti buiarost da u wše údy,
Boh ti da viehlasty w buinú hlavu.

Богъ тебѣ храбрость вложилъ во всѣ члены,
Богъ тебѣ вложилъ мудрость въ удалую голову.

в) Пѣснопѣвецъ въ заключеніе восклицаетъ:

55. Ai vicestvie iesti bohem дано.

Вотъ и побѣда Богомъ дана.

II.

Во второмъ пѣснопѣніи есть только одно мѣсто, относящееся къ разсматриваемому предмету, если только и его не считать поэтическимъ восклицаніемъ. Вотъ это мѣсто, вмѣстѣ и начало пѣснопѣнія, столь элегически воспоминающаго побѣду надъ Нѣмцами:

1. Ai ty Slunce, ai Slunečko!

Ты-ли си žalostivo,

3. Semu ty swiétiiš na ну,

Na biédné ludi?

Ой, ты солнце, ой солнышко!

Ты ли жалостливо?

Что ты свѣтишь на насъ,

На бѣдныхъ людей?

III.

Третье пѣснопѣніе, самое большое изъ всѣхъ, находящихся въ Краледворской рукописи, и одно изъ самыхъ занимательныхъ, пересказываетъ о битвахъ съ Татарами. Оно изображаетъ не только вѣрованія Христіанскія, но въ то же время и суевѣрія, не стертыя вліяніемъ Христіанства.

а) Послѣ вступленія, довольно высокопарнаго и схоластическаго, пѣвецъ говоритъ:

5. Ve vlasti, kdie Olomúc vedodi,
Iesti tamo hora nevysoká,
7. Nevysoká, Hostainow íei imie :
Mati Božia divy tamo tvoří.

Въ области, гдѣ Ольмюцъ столица,
Есть тамъ невысокая гора,
Невысокая, Гостайновъ имя ей :
Мать Божія тамъ чудеса творить.

NB. *Олмуцъ* — Olomuc, Olomauc, или Holomuc, Holomenc, — Olomucium, Eburum, — Olmütz. — *Гвстайновъ* — Hosteynow, Hostejnow, Hostagnow — гора близъ Ольмюца. Hostaup, Hostün — имя собственное челоуѣка.

b) Приготовляясь къ сраженію :

47. Kublai káže všem svým čarodíem
Hadačem, hviezdarem, kúzelníkóm,
49. Aby zviestovali uhodnuce,
Kterakuby konec boi imiel wzieti.
51. Sebrachu sie nalit čarodíei,
Hadači, hviezdári, kúzelníci,
53. Na dve strane kolo rostúpichu ;
I na dli trest' črnú položichu,
55. I iu na dve pólie rozčepichu.
Prvéi pólie Kublai imie wzdiechu,
57. Vteréi pólie krali imie wzdiechu,
Vetkýmí slovesy nad sim wzpiechu.
59. Počechu trsti zpolu voievati,
I trest' Kublaieva svíceziše.
61. Wzradowa sie mnostvié všeho luda.

Кублай велитъ всѣмъ своимъ чародѣямъ,
 Гадателямъ, звѣздочетамъ, кудесникамъ,
 Угадать и возвѣстить,
 Какой конецъ будетъ бою.
 Поспѣшно собрались чародѣи,
 Гадатели, звѣздочеты, кудесники,
 Съ двухъ сторонъ кругомъ сошлись,
 И на долъ трость черную положили,
 И на двѣ половины ее расщепили.
 Первой половиной дали имя «Кублай»,
 Другой половиной дали имя «Короли»,
 Ветхимъ словомъ надъ ними заплѣли.
 Начали трости межъ собой воевать,
 И Кублаева трость побѣдила.
 Возрадовалось все множество народа.

с) Началось сраженіе :

73. Pohany iuž mnoství křestian hnaše,
 I iuž-by iim byli odoleli ;
 75. By ne přišli čarodiei wnowie,
 Přinesúce ty trsti rozšerené.
 77. Tateré sie vele zapolechu,
 Na křestiany luto vyrázichu.

Толпа Христіанъ гнала язычниковъ,
 И ужь была-бы ихъ одолѣла (*),

(*) Форма, утраченная въ языкѣ литературномъ, и между тѣмъ коренная Славянская : она сохранилась доселѣ въ языкѣ Русскомъ народномъ. На примѣръ.

Пряди, моя прѣха,
 Пряди, не лѣнися.
 Я бы рада прала,
 Меня въ гости звали, и проч.

Если бы не пришли чародѣи вновь,
 Принесла тѣ расщепленныя трости.
 Татары разъярились,
 На Христіанѣ люто напали.

d) И сразили ихъ :

83. Tu sien iesutno w Tatory teče,
 Ande miłosrdié pro Boh prosí.

Туть одинъ напрасно на Татаръ стремится,
 Тамъ другой милосердія во имя Бога просить.

e) Татары покорили Кіевъ и Новгородъ. Христіане вооружились опять, и снова Татары побѣдили, и ограбили Венгрію. Тогда Христіане

106. Wzmodlichu sie Bohu žalostivo,
 By ie spásal sich Tatar zlostivých:

108. «Wstań, o Hospodine, w hniewie svoiem,
 Sprost' ny wrahow, fprost' ny stihaiuciých,

110. Pottačiti chtieiu duđu našu,
 Oklučiuce ny wnuż wlcí owce!»

Богу взмолился жалобно,
 Чтобы освободилъ ихъ отъ злостныхъ Татаръ:
 «Возстань, о Господи, во гнѣвѣ своемъ,
 Освободи насъ отъ враговъ, освободи отъ преслѣ-
 дующихъ насъ;

Хотятъ попать душу нашу,
 Обступя насъ какъ волки овецъ.»

f) И Татары пошли къ Ольмюцу, и снова стали биться Христіане:

123. Kolebaše sie voi křestian středem,
Usilno sie drúce k siemu chlúmku,
125. Na nemž Mati Bózia divy tvorí.
«Wzbóru bratři! wzhoru!» vola Wneslav...
128. I choruhvu vyš nad hlavú toči.
Wše sie wzmuži, wše v Tatory wnoči.

Колелется войско Христіанъ какъ ладя,
Усилно продаврась къ тому холму,
На немъ же Матерь Божія чудеса творить.
«Впередъ, братья, впередъ!» кричитъ Внеславъ...
И хоругвь поднимаетъ надъ главою.
Все мужается, все нападетъ на Татаръ.

g) Ночь прервала битву, и позволила Христіанамъ окопаться на вершинѣ. На утро— снова бой...

157. Křestiané na náspech wšudy stachu:
Mati Bózia dodaše iim chrabrost.

Христіане по валу всюду стали:
Матерь Божія придала имъ храбрости.

h) И снова ночь прервала битву, во время которой Христіане храбро отражали нападенія Татаръ.

177. Probóh! ai, nastoite! slavný Wneslav,
Slavný Wneslav sražen s naser žirem!

Но, Боже, о горе, славный Внеславъ,
Славный Внеславъ сраженъ стрѣлою съ вала.

i) На другой день, въ полдень, Христіане открыли уста —

187. Piewše chrapavie k Mateři Božíi,
K níi svá umdlá zraky obracechú,
189. Žalostivo rukama lomichu,
Ot zeme do oblok teskno zřechu:
191. «Newzmožno nám děle žizniú trati.»

Хриплымъ голосомъ молили Матерь Божию,
Къ ней свои мѣющіе взоры обратили,
Жалобно руки ломали,
Съ земли къ облакамъ тоскливо взирали:
« Не можемъ мы долѣе жажду терпѣть. »

j) Тогда Вратиславъ говорилъ :

204. « Ot Boha na milost zdáti chvalno,
Ne w porobie ot swieřepych Tatar. . .
208. Bóh ny silil w rozháralé póldnie,
Bóh nám sešle pomoc ufaiúcim. . .
212. Pohynem-li žizniú na siem chlumce,
Smrt sie bude Bohem zamieřena. . .
219. Za mnu před stolec Mateře Božíi! »
Ide za niém' mnoství k kaple svietiei.
221. « Wstaň, o Hospodine, w hnievie svoiém,
I povýš ny w krajinách nad wrahy,
223. Vyslyš hlasy k tobie volajúce!
Oklučeni smy lutými wrahy,
225. Vyprost' ny z osidl krutých Tatar,
I dai swlaženíe utrobam našim;
227. Hlasonosnú obiet tobie vzdámy!
Potři w zemiách našich nepřiately,
229. Shlad' ie u vick, a vicki viekoma,
Ai hle! na wznoieném nebi mraček!
231. Wzdniú vietři, zabučie brom strašný,
Chmúraše sie tučia po všem nebi,

233. Bisky rázráz! bíú w stany Tatar:
Hoiny pŕíeéal pramen chlumský zŕívi.

«Отъ Бога милости хвально ждать,
А не въ рабствѣ отъ свирѣпныхъ Татаръ. . .
Богъ насъ крѣпиль въ знойный полдень,
Богъ ниспослетъ помощь намъ надѣющимся. . .
Погибнемъ ли отъ жажды на семь холмѣ,
Та смерть будетъ Богомъ predetermined.
За мною, предъ престолъ Божіей Матери!»
(И идетъ за нимъ толпа къ святому храму)
«Возстань, о Господи, во гнѣвѣ своемъ,
И возвыси насъ въ отчизнѣ предъ врагами,
Услышь голосъ вопіющихъ къ Тебѣ!
Окружены мы лютыми врагами,
Освободи насъ изъ сѣтей дикихъ Татаръ;
И даи отраду утробамъ нашимъ!
Громогласно приносимъ тебѣ обѣтъ:
Низложи въ нашей землѣ враговъ,
Истреби ихъ на вѣки и вѣки вѣковъ!»
И вотъ на знойномъ небѣ мракъ,
Подули вѣтры, загремѣлъ страшный громъ,
Нахмурилась туча по всему небу,
Молнія непрестанно бьетъ въ станы Татаръ
И ливень оживилъ нагорный потокъ.

Потомъ, когда буря миновала, битва снова началась, длилась еще нѣсколько времени несчастливо для Христіанъ, и потомъ налетѣлъ Ярославъ какъ орелъ, сразилъ Татаръ, погналъ, — и освободилась страна отъ враговъ.

IV.

Слѣдуетъ пѣснопѣніе о побѣдѣ надъ Влаславомъ.

а) Князь Некланъ велитъ Честмиру вести войско, и Честмиръ снимаетъ щитъ, молотъ и племъ, и

22. Pode vše drva
Wzložie obieti bohóm.

Подъ всѣми деревьями
Возложилъ жертвы богамъ.

б) Воймиръ-освобожденъ отъ враговъ,

123. I chtieše Voimir obiet vzdáti bohóm
W siem je miestie, w siem je krocie slunce.
125. « Wzhóru, Voimiře, » — vece mu Cstmir, —
« Naši kroci chvataiú vicezit »
127. Nad Wlaslawem. Prodli w službie bohóm,
Bozi chtieiu stepati Wlaslava. . .
132. Vet ti zbranie vraha tvého, poidi! »
Wzradova sie Voimir vele-vele,
134. Wzwola s skály hlasem w lese hlučným,
Z mocna hrdla vola k bohóm tako,
136. I wztřasú sie drva žira lesa:
« Neziaríte sie bozi svému slnzu,
138. Ez nepáli obiet w dnešniém slunci! »
« Dlužna obiet bohóm » — vece Cstmir —
140. « A nynie nám na vrahy pospieti,
Nynie wsedni ty na ručie konie,
142. Proletui lesy ieleniém skokem.
Tamo w dúbřavu, tam s cesty skála,

144. Bohóm zmlená, na ieie wrchu
Obietui bohóm, bohóm svým spasám,
146. Za vicestvié wzadech, za vicestvié wpředie. . .
. . . . . doidù voie tamo,
152. Kdie obiet tvoie povieie w slúpech dýmu,
I pokoři sie wše voisky tudy idúce.»
154. I wsiede Voimir na ručie konie,
Proletie lesy ieleniém skokem.
156. Tamo w dúbavu, na drahu k skále;
Na wršie skály zaniéti obiet
158. Bohóm svým spasám
Za vicestvié wzadech, za vicestvié wpředie.
160. Iim obietowa kravicu buinu,
Srst červená po niéi sie lskieše. . .
165. Plápoláše obiet i bližiše sie voi
K úvalu, iz úvala wzhoru w dúbavu.
167. Voï, ozvučeni hlukem
Idù po iednom oružié nesúce.
169. Prokný, ida kol obieti, bóbóm slávu hlášaše,
I zacházeie zezwuče nemeškaše.
171. I kehdy docházeše posleda voiew,
Wzkoči Voimir na svói ruči komoň. . .

И хотѣлъ Воймиръ водать жертву богамъ
Въ томъ же мѣстѣ, въ тотъ же часъ солнца.
«Впередъ, Воймиръ!» сказалъ ему Честмиръ, —
Шаги наши спѣшать къ побѣдѣ
Надъ Владиславомъ. Помеди служить богамъ.
Боги хотять поразить Власлава.
Вотъ тебѣ оружiе твоего врага, иди.»
Возрадовался Воймиръ великою радостiю,
Воскликнулъ со скалы голосомъ, громко раздавшимъ
ся по лѣсу,
Изъ мощной гортани воскликнулъ къ богамъ;

И встряслися деревья въ широкомъ лѣсу:
 « Не гнѣвайтесь, боги, на слугу своего,
 Что не возжигаетъ онъ обѣта въ этотъ часъ.»
 « За нами обѣтъ богамъ— вѣщаль Честмиръ,—
 А нынѣ должны мы на враговъ поспѣть.
 Нынѣ садясь на быстрыхъ коней,
 Пролети лѣса оленьимъ скокомъ,
 Туда въ дубраву, тамъ съ дороги скала,
 Любимая богами, на вершинѣ ея
 Твори обѣтъ богамъ, своимъ богамъ спасителямъ,
 За побѣду минувшую, за побѣду будущую.
 . . . . . Дойдутъ туда войска.
 Гдѣ твоя жертва повѣетъ въ столпахъ дыма,
 И покорятся всѣ войска, нѣдъ туда.
 И слыъ Воймиръ на быстрыхъ коней,
 Пролетѣлъ лѣса оленьимъ скокомъ,
 Туда въ дубраву, на дорогу къ скалѣ:
 На вершинѣ скалы возжегъ обѣтъ
 Своимъ спасителямъ богамъ,
 За побѣду минувшую, за побѣду будущую.
 Припослалъ имъ жертвою кравлицу болрую. . .
 Пылагъ обѣтъ, и приближалось войско,
 Къ долинѣ, съ долины выше въ дубраву.
 Войны, звуча и гремя,
 Идутъ одно за другимъ, неся оружіе.
 Каждый, нѣдъ мимо жертвы, богамъ славу возгла-
 шалъ,
 И проходя, не медлилъ звучать. . .
 Когда же проходили послѣдніе ряды войска,
 Воймиръ вскочилъ на своего быстрого коня. . .

И пошли противъ Власлава.

с) Началась битва. . .

200. I by leskem naplniena hora ;
Nalit vyrazi Cmir se zastupem, —
202. Zastup sien bie čtyřie hluków četný,
S niém ze stiěnow lesniěch vyrazi Třas,
204. Třas osiede, četné voie wrahóm,
Wzad, wzad strach i iim by ze wšia lesa ;
206. Rozprnú sie řadi semo, tamo.

Наполнилась блескомъ гора,
Поспѣшно напалъ Чмиръ съ засадою,
А засада та была изъ четырехъ отрядовъ.
Съ нимъ изъ лѣснаго мрака напалъ Трясъ,
Трясъ окружилъ сильныя войска враговъ,
Сзади, сзади страхъ имъ былъ изъ всего лѣса,
Разорвались ряды тамъ и самъ.

d) Наконецъ Честмиръ пустился на Власлава,
сразилъ, повалилъ, и Влаславъ —

218. . . . . wstáti ne možeše ;
Morena iei sypáše w noc črnu.
220. Kupieše krew ze silna Wlaslava,
Po zelené travie w sirú zemiú teče.
222. Ai, a vyide duša z řwúcei huby,
Vyletie na drvo, a po drvech
224. Siemo tamo, doniž mrtew nezžen.

. . . . . встать не могъ ;
Морена усыпила его въ черную ночь.
Кипѣла кровь изъ сильнаго Власлава,
По зеленой травѣ въ сырую землю текла.
Вотъ и вылетѣла душа изъ стенищахъ усть,
Взлетѣла на дерево, и по деревьямъ
Туда и сюда, пока мертвеца не сожгли.

V.

Пятая пѣснь, описывающая турниръ у Князя Залабскаго, не имѣетъ ничего, что бы можно назвать даже намекомъ на религіозныя вѣрованія или обряды.

VI.

За то богато фактами шестое пѣснопѣніе, и прямо относится къ рассматриваемому предмету: это пѣснопѣніе, извѣстное болѣе другихъ, описываетъ битвы Забой и Славоя, защитниковъ прежней религіи, противъ Людека.

а) Забой, переходя отъ мужа къ мужу,

12. Krátká slova ke všem skryto rieče,
Pokloni sie bohóm, odsud k druhu spiecha.

Краткія слова всѣмъ тайно говорилъ,
Поклонился богамъ, оттуда къ другу спѣшилъ.

б) Потомъ собрались всѣ на третій день, при свѣтѣ луны, въ черный лѣсъ, и тамъ Забой пѣлъ такую пѣснь:

30. « I priide curi usilno w dieдинu,
I cuzimi slovy zapovida,
32. I kak sie zdie w cuzíi vlasti
Ot intra po večer, tako bieže zdiéti
34. Dietkám i ženám.
I iedinu družu nam imiéti

36. Po puti wšei z Vesny po Moranu.
I vyhánie z haiew wše krahuie,
38. I kaci bozi w cuzéi vlasti,
Takým sie klanieti zdié i im obiecati obět.
40. Nesmiechu se biti w čelo před bohy,
Ni w súmrky iim dáwati iésti,
42. Kamo otčik dáwaše krmie bohóm
Kamo k niem hlasat chodivaše,
44. Posiekachu wše drva
I rozhrušichu wše bohy. »
46. « Ai ty Záboiu pieieš srdce k srdcu. . .
Piewce dobra miluiú bozi.
52. Piei, tobie ot nich dáno
W srdce proti wtrahóm. »

«И пришелъ чужой насильно въ нашу родину,
И чужими словами заповѣдалъ,
Какъ дѣлается въ чужой землѣ,
Отъ утра до вечера такъ бы дѣлать
Дѣтямъ и женамъ,
И единую подругу намъ имѣть
По пути отъ Весны къ Моранѣ.
И выгналъ изъ лѣсовъ всѣхъ вороновъ,
И какіе боги въ чужой землѣ,
Тѣмъ бы поклоняться и тутъ, и имъ жертвы творить.
И не смѣли бы челомъ быть предъ богами,
Ни въ сумерки давать имъ яства,
Гдѣ отецъ давалъ яства богамъ,
Куда къ нимъ пѣть ходилъ,
Вырубили всѣ деревья
И разрушили всѣхъ боговъ. »
« О Забой! ты поешь сердцемъ въ сердце
Пѣвца добраго мвлують боги!
Пой, тебѣ дано это мни
Въ сердце противъ враговъ. »

с) Славой отвѣчалъ на пѣснь Забоя, и когда Забой кончилъ свою пѣснь, мужи разошлись, а передъ тѣмъ —

71. I sprzú na przi wši kladechu ruce,
Viehlasno dávachu slova k slovóm.

И съ перся на персь всё клали руки,
Мудрое слово давали другъ другу.

д) На пятый день заговорщики выступили противъ Королевскихъ войскъ. Забой бросился впередъ, Славой съ боку, говоря своимъ товарищамъ:

122. «Ai bratřie ti sie nám krušichu bohu,

Ti sie nám kásechu dřewa,

124. I plašichu krahnje z lešow.

Bozi nám vicestvie daiú.»

Ай, братья, они злѣсь сокрушили нашихъ боговъ,

Они повалили наши деревья,

И всполошили вороновъ изъ лѣсовъ,

Боги намъ побѣду даруютъ.

е) Здѣсь кстати вспомнить выраженіе, выше пропущенное и снова встрѣтившееся. Забой началъ свою пѣснь выше приведенную такими словами:

26. Otčik zaide k otcem.

Отецъ отошелъ къ отцамъ.

Во время битвы Забоя съ Людекомъ, пѣвецъ вспоминаетъ, что Забой желалъ попасть молотомъ въ

Людека, не попалъ не въ него, а въ дерево, и дерево покатилося на воиновъ —

138. I třiedeset iich otide k otcem.

И тридцать ихъ отошло къ отцамъ.

f) Вечеромъ снова Забой напалъ на Людека:

155. « Ai ty wraże, bies w tie!.

Cemu ty našu krew piieši? »

157. I chopi Zaboí svói mlat. . .

I wrže po wraże.

161. Letie mlat, roskoči sie sčit,

Za sčitem sie roskočista Ludiekowa praí.

163. I uleče sie duže tiežka mlata,

I mlat i dušu vyrazi,

165. I zanese piet siehów u voisku.

Strach wrahóm vyrazi z hrdl skřieky,

167. Radosť zewznié z ust voínów Zaboievých. . .

171. « Ai bratřie, bozi ny vicestviém dařichu! . . . »

180. I by upieti wrahóm, i by ustúpati wrahom.

Třas ie hnaše z bořče.

182. Strach z hrdl iich wyráže skřieky.

« Ой ты врагъ! бѣсъ въ тебѣ.

За что ты пьешь нашу кровь? »

И схватилъ Забой свой молотъ

И ринулъ на врага.

Полетѣлъ молотъ, разбился щитъ,

За щитомъ разбились Людековы перси.

И душа испугалась тяжкаго молота,

И молотъ исторгъ в душу,

И занесъ на пять сажень въ войско.

Страхъ исторгся крикомъ изъ гортани враговъ.
 Радость зазвучала изъ устъ воинновъ Забоа.
 «О, братья, боги намъ побѣду даровали. . .»
 Пришлось врагамъ стонать, пришлось бѣжать.
 Трясъ гналъ ихъ съ побойща,
 Страхъ исторгалъ крики изъ ихъ гортани.

г) И гнали враговъ къ сѣрой вершинѣ, и всюду побѣждали, и побѣдители радостно восклицали; а Забой говорилъ имъ:

227. Ai bratře, ai žerý wrch!
 Boží ny tamo vicestviém dařili!

229. Tamo i viele duš tieká
 Siemo tamo po dřevěch.

231. I ich boié sie ptactvo i plachý zvičř,
 Jedno sovy ne boié sie.

233. Tamo k wrchu pohřebat mřch,
 Dat pokrm bohovóm,

235. I tamo bohóm spasám
 Dat mnostvié obiěti,

237. A iim hlásat milych slow,
 I iim oružié pobitých wrahów!

Ай, братцы! ай, сѣрая вершина!
 Боги намъ даровали тамъ побѣду!
 Тамъ и много душъ утекло
 Туда сюда по деревьямъ.
 Боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь,
 Только совы не боятся ихъ.
 Туда, къ вершинѣ, погребать трупы,
 И принести яства богамъ,
 И тамъ спасителямъ богамъ
 Творить много жертвъ,

И возглашать имъ ласковыя слова,
И посвящать имъ оружіе побитыхъ враговъ.

VII. VIII. IX.

Въ трехъ слѣдующихъ пѣсняхъ нѣтъ ничего,
что бы касалось разсматриваемаго предмета.

X.

Предметъ десятой пѣсни — смерть юноши отъ
врага.

13. Nenie iuz iunoše w horách!
Podskoči naň zdie lstivo lutý wrach. . .
16. Uderi tiežkým mlatem w prsi, —
Zewzniechu mutno žalostivi lesi, —
18. Vyrazi z iunoše dušu, dušicu!
Sie vyletie piekným táhlým hrdlem,
20. Z hrdla krásnyma rtoma.
Ai tu leže, teplá krew
22. Za dušicú teče za otletú;
Syra zemie wřelú krew piie.
25. Leže iunoše we chladnej zemi,
Na, iunoši roste dubec, -dub. . .
31. Sletuiú, sie tlapy bystrych krahuicew,
Ze všia lesa siemo na sien dub;
33. Pokrakuiú na dubie všici. . .

Нѣтъ уже юноши въ горахъ!
Напагъ на него тутъ льстиво лютый врагъ. . .
Тяжкимъ молотомъ въ персь ударилъ, —
Зазвучали смутно жалостныя лѣса, —
Исторгъ изъ юноши душу, душечку.

Она вылетѣла прекрасной, длинной гортанью,
 Изъ гортани румяными устами.
 И лежить онъ тутъ. Теплая кровь
 За душою течеть отлетѣвшею,
 Сырая земля пьетъ горячую кровь.
 Лежить юноша въ холодной землѣ,
 На юношѣ растеть дубъ, дубокъ...
 Слетаются станицы быстрыхъ вороновъ,
 Изъ всего лѣса туда, на тотъ дубъ,
 Всѣ они каркають на дубѣ.

XI.

Въ одиннадцатой пѣснѣ поется, какъ дѣвица
 ждала своего милаго, ждала до пѣтуховъ, не дожда-
 лася, уснула, — и вотъ что ей приснилось:

11. Iakoby mnie nebožse
 Na pravei ruce s prsta
 13. Swlekl sie zlatý prstének,
 Smekl sie drahý kamének.
 15. Kamének ne nadiidech,
 Zmilítka sie ne doždech.

Будто у меня бѣдняжки
 На правой рукѣ съ пальца
 Спалъ золотой перстенецъ,
 Скатылся камушекъ дорогой.
 Камушка я не нашла,
 Милаго не дождалася.

XII. XIV.

Пѣсни двѣнадцатая и четырнадцатая не заклю-
 чаютъ въ себѣ ничего, что можетъ касаться ре-
 лигии.

XIII.

Въ пѣсни тринадцатой поетъ сирота о своей долѣ, и говорить :

9. Kdie moi otčik, otčik mily?

Zahřeben w rovečce!

11. Kdie moie máti, dobrá máti?

Trawka na niči roste.

Гдѣ отецъ мой, милый отецъ?

Погребенъ въ могилѣ.

Гдѣ мать моя, добрая мать?

На ней травка растеть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЫВОДЫ.

NB. Въ первой части я означалъ счетъ стихамъ, которые выписывалъ изъ стихотвореній Краледворской рукописи. Теперь, ссылаясь на нихъ во второй части, буду означать Римской цифрой номеръ стихотворенія, а цифрой Арабской номеръ стиха.

Я выписалъ въ первой части всѣ стихи, которые могутъ хотя отчасти касаться религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. Не лзя сказать, чтобы матеріалъ, доставляемый Краледворской рукописью въ этомъ отношеніи, былъ малъ; не лзя сказать, чтобы онъ былъ и великъ. Какъ бы то ни было, изъ 14 стихотвореній, составляющихъ рукопись Краледвор-

скую — 2 относятся слишком очевидно къ періоду Христіанскому, въ 9 не лзя замѣтить ничего слишкомъ важнаго, и только въ 3 видимъ характеръ рѣшительно языческой. Къ языческимъ принадлежатъ IV, VI и X; а къ Христіанскимъ I и III. Я представлю выводы изъ обоюго рода пѣсенъ, обращая, разумѣется, болѣе вниманія на древнѣйшія, т. е. языческія, и стараясь по возможности пользоваться и тѣми пѣснями, кои не лзя назвать ни рѣшительно языческими, ни рѣшительно Христіанскими.

А.

Извлекая выводы изъ четырехъ пѣсенъ, прямо относящихся къ язычеству, прошу впередъ извиненія у читателей, если что-нибудь упущу изъ вида, и вотъ по чему, болѣе нежели по какой другой причинѣ, я считалъ вужнымъ предварительно представить полное извлеченіе изъ рукописи Краледворской въ самомъ подлинникѣ.

Извѣстно, что въ Релпгii надобно отличать вѣрованія отъ обрядовъ: хотя вѣрованія и поясняются обрядами, и обряды вѣрованіями, тѣмъ не менѣе справедливо, что и вѣрованія могутъ существовать безъ обрядовъ, и обряды безъ вѣрованій. Столько же надобно отличать вѣрованія и обряды религиозные отъ вѣрованій и обрядовъ житейскихъ: въ тѣхъ выражаются отношенія и чувства человѣка къ Божеству; а въ этихъ отношенія чувства къ самому себѣ и къ ближнему. На этомъ основаніи дѣлю мое обозрѣніе на четыре параграфа.

Въ первомъ представлю итогъ вѣрованій о Божествѣ.

Во второмъ — о жизни и смерти.

Въ третьемъ — итогъ обрядовъ служенія Божеству.

Въ четвертомъ — обрядовъ житейскихъ.

§ 1.

Народъ, изображенный въ пѣснопѣніяхъ рукописи Краледворской, имѣлъ понятіе о двухъ высшихъ началахъ: начало доброе, благотѣльное было для него въ *богахъ* (*boze*, IV. 25, 123, 127, 128, 135, 137, 139, 144, 145, 158, 169; VI, 12, 38, 40, 42, 45, 47, 52, 122, 125, 228, 235, 237, 238); начало злое, неприязненное, въ *бьсахъ* (*bies*, VI, 155).

Боговъ было, по понятію этого народа, много: о Божествѣ вообще упоминается не иначе какъ во множественномъ числѣ (*boze*, срав. преж. ссылку). О старшинствѣ однихъ боговъ предъ другими, о Богѣ боговъ нѣтъ на малѣйшаго намека, — и вообще можно предполагать, что народъ имѣлъ о Божествѣ понятія пантеистическія, вѣря, что хотя каждый богъ дѣйствовалъ какъ особенная сила, но что они всѣ вмѣстѣ имѣли одну общую силу, одну общую волю, завѣдывали всѣ вмѣстѣ судьбами міра, по крайней мѣрѣ человѣческаго: вотъ почему и обращались къ нимъ съ мольбою ко всѣмъ вмѣстѣ (IV. 22, 123—128, 134—139, 144—145, 156—159, 169; VI, 12, 38—44, 233—237). Если по понятію народа и существовала высшая сила кромѣ боговъ, то однакожь она не мѣшалась въ дѣла человѣческія: иначе было бы гдѣ-нибудь

упомянуто о ней. Боги же пеклись о своихъ вѣрныкъ, назывались отъ нихъ спасителями (сразу, IV, 145, 158; VI, 136), и помогали имъ въ побѣдахъ противъ враговъ, какъ помогли Воймиру и Честмиру противъ Власлава (IV) или Забою противъ Людека (VI). Съ другой стороны боги, какъ вѣрилъ народъ, требовали почтенія къ себѣ, могли гнѣваться за неисполненіе должныхъ обрядовъ, а слѣдовательно и карать: такъ Воймиръ, боясь прогнѣвать боговъ за то, что не принесъ немедленно жертвы, молилъ ихъ о помилованіи (IV. 123—138). Боговъ было много, но къ сожалѣнію названія очень немногихъ сохранены въ пѣсняхъ; именно только трехъ: 1) *Весна* почиталась безъ сомнѣнія богиней юности: о ней впрочемъ упоминается только однажды, и жизнь названа путемъ отъ Весны до Мораны (VI. 36). 2) *Морена, Морана*, почиталась богинею смерти: такъ по крайней мѣрѣ можно догадываться изъ того, что жизнь названа путемъ отъ Весны до Мораны (VI. 36) и изъ того что она, Морена, усыпила Власлава въ черную ночь, когда его убилъ Честмиръ (IV. 219). 3) *Трясъ* былъ почитаемъ богомъ страха и, можетъ быть, войны: однажды ему приписана помощь Честмиру, и сказано, что онъ окружилъ собою сильныя войска враговъ (IV. 204); въ другой разъ сказано, что онъ помогъ Забою противъ Людека, и гналъ враговъ изъ побойща (VI, 181). Тутъ надобно замѣнить, что вслѣдъ за Трясомъ въ обоихъ мѣстахъ упомянуто о *страхѣ* (IV. 205. VI, 182), который исторгаетъ крики изъ гортаней враговъ; можетъ быть онъ считался если не богомъ, то хотя духомъ, служащимъ Трясу. — Названія боговъ очевидно показываютъ, что были божескія лица не

только мужскаго, но и женскаго рода, и что слѣдовательно они почитались въ своемъ образѣ хотъ нѣсколько сходными съ людьми или съ животными. Считались-ли божественными свѣтила небесныя, не видно, если только считать поэтическимъ возгласомъ обращеніе къ солнцу (II, 1—4). — На землѣ были нѣкоторыя мѣста, особенно любимыя богами: таковы были скалы, дубравы; въ нихъ боги любили обитать. Забой оплакивалъ сокрушеніе деревьевъ вмѣстѣ съ сокрушеніемъ идоловъ (VI, 44, 123), и долженъ былъ принести жертву богамъ на сѣдой вершинѣ; гдѣ боги ему даровали побѣду (VI, 227—228, 233 и слѣд.); Воймиръ также принесъ жертву на скалѣ, любимой богами (w. 143—170). Въ числѣ животныхъ, посвященныхъ богамъ и считавшихся божественными, первое мѣсто занимали *вороны* (*krāhuii, krāhuiei*): такъ Забой, говоря о притѣсненіяхъ чужеземцевъ вѣрѣ предковъ, говорить, что «они сокрушили боговъ, повалили деревья, всполошили вороновъ изъ лѣсовъ» (VI, 124); такъ когда юноша былъ убитъ врагомъ и погребенъ въ холодной землѣ, слетѣлись къ могилѣ его на дубъ «станицы быстрыхъ вороновъ изъ всего лѣса, и жалобно каркали надъ нимъ» (33).

Что касается *бѣсовъ*, то о нихъ есть только одно напомниманіе во всемъ сборникѣ, выше приведенное (VI, 155). Даже не лзя утвердительно сказать, былъ ли одинъ бѣсъ или много: можно допустить только догадку, что если народъ признавалъ множество боговъ, то и бѣсовъ могло быть по его понятію также много. Еще есть одинъ намекъ, заставляющій предполагать, что въ числѣ тварей земныхъ,

нечистыхъ, нелюбимыхъ богами, слѣдовательно покровительствуемыхъ бѣсами, первое мѣсто занимала сова: народъ вѣрилъ, что души, отлетѣвшія отъ тѣлъ, души вѣрныхъ богамъ, «страшны и птицамъ и звѣрамъ, не страшны только совамъ» (VI, 232). Это мѣсто можетъ дать поводъ къ предположенію, что народъ вѣрилъ сильной борьбѣ между богами и бѣсами и что считалъ бѣсовъ не слабыми въ отношеніи къ богамъ.

§ 2.

Перехожу къ обозначенію вѣрованій о жизни и смерти человѣческой.

Вѣрованіе въ двойственность *человѣческой природы* было, кажется, господствующимъ: вѣрили, что тѣло было живо душою, а душа могла жить и безъ тѣла, и это вѣрованіе выражено всюду, гдѣ повѣствуется о смерти (IV 218—224, VI, 26, 138, 161—165, 229—232; X, 18—25).—Путь жизни отъ юности къ смерти назывался путемъ отъ Весны до Мораны (VI, 36). — Какая разница была въ жизни между правами, дарованными догматами вѣры мужчинамъ и женщинамъ, очевидно, что въ событіяхъ важныхъ, въ событіяхъ общественныхъ женщины не участвовали, и что мужу позволялось имѣть нѣсколько женъ: такъ Забой считалъ притѣсненіемъ волю чужеземца, желавшаго уничтожить народную религію и принуждавшаго имѣть «одну подругу по пути отъ Весны къ Моранѣ» (35—36). И вотъ, кажется, все, что можно извлечь касательно вѣрованій о жизни,

человѣческой. — Что касается вѣрованій о смерти и ея послѣдствіяхъ, то и объ нихъ можно сказать не болѣе. Когда человѣкъ умиралъ, то вѣрили, что душа, разставаясь съ тѣломъ, взлетала изъ него, стремилась въ мѣсть на деревья и летала на нихъ съ одного на другое до тѣхъ поръ, пока не оконченъ былъ посмертный обрядъ. Что было съ душою послѣ? Пѣсни не пересказываютъ вѣрованія о семъ; впрочемъ заставляютъ предполагать, что душу ожидала жизнь другая: это видно изъ мѣстъ, гдѣ говорится о смерти (IV 218—224, VI, 26, 138, 161—161; 229—232, X. 18—25), видно отчасти и изъ выраженія, что умершіе «отходятъ къ отцамъ» (VI, 26, 138).

§ 3.

Гораздо болѣе можно сказать о богослужебныхъ обрядахъ.

О существованіи храмовъ вѣтъ и поминна, и всюду, гдѣ бы слѣдовадо упоминать о нихъ, сказано о мѣсахъ и скалахъ, любимыхъ богами (*lesi, haii, dubrawi, skale*. VI, 43, 123; VI, 37, 227—228, 233 и слѣд.). Преимущественно мѣсто храмовъ заступали сѣни древесныя, и единственное украшеніе такихъ природныхъ храмовъ были идолы боговъ, которые также назывались богами: такъ Забой оплакивалъ, что чужеземцы сокрушили боговъ, повалили деревья (VI, 44—45, 122—123; срав: IV, 22—23).

Особеннаго жреческаго сословія, какъ и храмовъ, не было; по крайней мѣрѣ изъ всего видно, что обя-

заинности жреческія были исполняемы старѣйшими въ родѣ, отцами семействъ, военачальниками. Такъ Честмиръ, военачальникъ Князя Неклана, предъ походомъ противъ Власлава, самъ приноситъ жертву богамъ (W. 22 — 23); Воймиръ, другой военачальникъ, также самъ приноситъ жертву богамъ на екалѣ, любимой богами (IV, 123 — 170); и Забой въ своей пѣснѣ намекаетъ на то же объ отцахъ семейства (VI, 42 и слѣд.); онъ же самъ, послѣ побѣды надъ Людекомъ, готовился принести жертву богамъ (VI, 227—238). — Впрочемъ, хотя и не было особеннаго жреческаго сословія, были за то различнаго рода *въщунны* — гадатели, чародѣи, звѣздочеты, кудесники, которые отгадывали будущее (*čarodiei, hadaši hwiezdāi, kuzelnici*. III, 47—60, 75—76), и вѣрованіе въ ихъ умѣнье отгадывать судьбу осталось у народа и тогда, когда уже онъ сдѣлался Христіанскимъ (III). Здѣсь кстати сказать, что и *сны* считались видѣніями, возвѣщающими будущее (XI, 11—16). — Говоря о въщуннахъ не лѣзя не вспомнить и о *пльсцахъ*, хотя и трудно опредѣлительно сказать, что подъ именемъ ихъ разумѣли. Замѣчательны слова Славоя Забою, изъ которыхъ видно что и Забой былъ пѣвецъ, слова, что «добраго пѣвца боги милуютъ»; что «пѣніе дано имъ въ сердце вмѣсто оружія противъ враговъ» (VI, 46—47, 52 53).

Богамъ молился не только предъ идолами, но и безъ нихъ, и даже не только въ мѣстахъ, любимыхъ богами, но и на вслкомъ мѣстѣ. Такъ Честмиръ возлагалъ обѣты богамъ предъ всѣми деревьями (IV, 22 — 23), а Воймиръ, прежде нежели

принесъ жертву на скалѣ любимой богами, молилъ ихъ на полѣ сраженія не гнѣваться на него, что не вдругъ можетъ принести должную жертву (IV. 123—171). Изъ этого же послѣдняго мѣста можно заключить, что законъ повелѣвалъ приносить жертву богамъ въ то самое время, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и когда совершилось благодѣяніе боговъ. Молились богамъ прося чего-нибудь, молились и за совершенное благодѣяніе — «и за побѣду минувшую, и за побѣду предстоящую» какъ говоритъ Честмиръ (IV. 146, 159. Срав. IV. 22—23, 123 и слѣд. VI, 13, 227 и слѣд.). Хотя возвышать голосъ къ богамъ можно было и просто безъ всякаго узаконеннаго обряда; однакожь преимущественно молитва состояла въ *службѣ* (*služba*, IV. 127, VI, 223 и слѣд. и проч.). Служба была обыкновенная и чрезвычайная. Обыкновенная служба совершалась предъ идолами, и преимущественно въ сумерки: имъ пѣли пѣсни, били челомъ и приносили яства. Можно догадываться, что надобно было предъ идолами служить службу всѣмъ идоламъ по одиначкѣ: можно такъ догадываться изъ того, что Честмиръ принесъ жертву подъ всѣми деревьями (IV 22). Конечно, тутъ подъ именемъ всѣхъ деревьевъ надобно понимать тѣ, подъ которыми стояли идолы въ какомъ-нибудь одномъ лѣсу, и полагать, что подъ каждымъ изъ такихъ деревьевъ стоялъ идолъ особеннаго бога. Служба чрезвычайная совершалась предъ или вслѣдъ за какимъ-нибудь происшествіемъ, въ которомъ полагали участіе боговъ: такія служенія совершались предъ битвой и послѣ битвы (IV, 22, 23, VI, 13 и пр.). Такое служеніе совершалось предъ войскомъ, и состояло въ жертвоприношеніи богамъ (*obiet*, IV, 23, 123,

и слѣд.). Въ жертву приносили богамъ коровъ (IV. 160), а равнымъ образомъ и оружіе убитыхъ враговъ (VI. 237). Когда жертва уже пылала, воины шли одинъ по одному мимо жертвенника, неся оружіе и звуча, и гремя, и каждый изъ нихъ, проходя мимо жертвы, возглашалъ славу богамъ голосомъ и звономъ оружія: такъ было совершено жертвоприношеніе Воймира (IV. 165—171).

§. 4.

Всего менѣе можно сказать объ обрядахъ житейскихъ.

Были ли обряды при рожденіи, при бракѣ — нѣтъ и намека. Что касается *обряда смертнаго*, то онъ былъ двойкій: иныхъ *сожигали*, какъ на примѣръ Власлава, убитаго Честмиромъ (IV. 224); другихъ *погребали* въ гробахъ въ могилы (VI. 233. X. 25. XIII. 10, 12).

О другихъ обрядахъ ничего нѣтъ, кромѣ двухъ стиховъ, въ которыхъ пересказывается какъ будто *обрядъ присяги* (VI. 74, 71): если такъ, то въ случаѣ присяги, всѣ клали съ перси на персь руки, и давали слово другъ другу.

Б.

Остается сказать еще о вѣрованіяхъ и обрядахъ Христіанскихъ, сколько можно извлечь о нихъ изъ I и III цѣсповѣдій,

Прежде всего можно замѣтить, что Христіане отличены своимъ именемъ отъ иповѣрцевъ, за коиими оставалось имя *поганѣ* (*rohani*): по крайней мѣрѣ Татары въ пѣснопѣніи III-мъ всюду названы этимъ именемъ, въ отношеніи къ ихъ вѣрѣ.

1) Понятія о Божествѣ представляются уже не тѣ, что въ пѣсняхъ, относящихся къ языческому періоду. Всюду величается имя единого Бога. Выгонъ Дубъ говоритъ Князю Ольдриху, что ему Богомъ дана и храбрость, и мудрость (I. 17 — 18); въ битвѣ съ Татарами Христіане просятъ милосердія во имя Бога (III. 84); именемъ Бога скорбятъ о погибели Впеслава (III. 177 — 178); видна вѣра въ то, что похвально милости ждать отъ Бога, что если и погибнуть, то смерть предопредѣлена имъ самимъ Богомъ (III. 204, 213); Богъ вѣрующимъ въ Него помогаетъ и въ знойный полдень, и грозою (III. 208—209; 230—233). Столь же сильна вѣра и въ Матерь Божию: на горѣ Гостейновѣ Она благоволила являть чудеса (III. 2), и во время битвы Она же придала Христіанамъ храбрости (III. 158).

2) Что касается вѣрованій о жизни и смерти, то о нихъ кромѣ намека о томъ, что и смерть зависитъ отъ Бога, нѣтъ ничего, если только не считать чѣмъ-нибудь стиха, въ которомъ сказано, что Татары «хотятъ попрасть душу» Христіанъ (III. 110).

3) Равнымъ образомъ очень мало можемъ заключить о религиозныхъ обрядахъ. Въ одномъ только мѣстѣ упоминается о престолѣ и храмѣ во имя Бо-

жіей Матери (III. 219—220); да кромѣ того приведенъ обрядъ моленія и двѣ молитвы. Что касается обряда, то видно, что молились въ бѣдствіи, обращая къ святымъ мѣлюшіе взоры, и жалостно руки ломая, и съ земли къ облакамъ взврая тоскливо (III, 187 — 190). Повторяю обѣ молитвы, одну, произнесенную на полѣ сраженія, и другую, произнесенную во храмѣ Божиємъ.

1) «Возстань, о Господи, во гнѣвѣ своемъ, освободи насъ отъ враговъ, освободи отъ преслѣдующихъ насъ. Хотятъ попрасть души наши, обступя насъ какъ волки овецъ» (III, 108—111).

2) «Возстань, о Господи, во гнѣвѣ своемъ, и возвыси насъ въ отчизнѣ нашей предъ врагами. Услышь голосъ вопіющихъ къ Тебѣ! Окружены мы лютыми врагами. Освободи насъ отъ сѣтей ливихъ Татаръ, и дай отраду утробамъ нашимъ! Громогласно молишь Тебя: низложи въ землѣ нашей враговъ, истреби ихъ на вѣки и вѣки вѣковъ».

4) О обрядахъ житейскихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Здѣсь я могу окончить мое извлеченіе изъ рукописи Краледворской касательно религиозныхъ вѣрованій и обрядовъ. Не цѣню дорого труда моего; глаголю только, что такими частными обозрѣніями можно и должно начать трудъ изслѣдованій о древней религіи Славянъ, и лишь бы сіи частныя обозрѣнія были

дѣланы усердно и отчетливо, не трудно уже будетъ слѣзть ихъ и переходить къ общимъ выводамъ. Остается просить у читателей извиненія, если они найдутъ въ моемъ обзорѣнн какія-нибудь недомолвки или перемолвки.

СРЕЗНЕВСКІЙ.

